

КНИЖНАЯ СЕРИЯ СЕРВИКА

ДРАГОСЛАВ МИХАИЛОВИЧ

ТРЕТЬЯ  
ВЕСНА

СКИФИЯ



Сербика

Драгослав Михайлович

**Третья весна**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2002

УДК 821.163.41  
ББК 84(4Сер)

**Михаилович Д.**

Третья весна / Д. Михаилович — Издательско-Торговый Дом  
"СКИФИЯ", 2002 — (Сербика)

ISBN 978-5-00025-171-3

Роман о трагедии сербского народа, которую он пережил в последние годы коммунистической диктатуры. Книга будет интересна русскому читателю из-за исторических параллелей в развитии наших стран 50-х – 80-х годов XX века.

УДК 821.163.41  
ББК 84(4Сер)

ISBN 978-5-00025-171-3

© Михаилович Д., 2002  
© Издательско-Торговый Дом  
"СКИФИЯ", 2002

# Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

# Драгослав Михайлович Третья весна

Драгослав МИХАИЛОВИЋ  
ТРЕЋЕ ПРОЛЕЋЕ



Република Србија  
Министарство културе и информисања

Перевод книги сделан при помощи Министерства культуры и информации Республики  
Сербия

## Часть первая



# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



### 1

На исходе третьей зимы свободы в Чуприи случилось нечто небывалое – Раваница начала течь в гору.

После обильнейших предновогодних снегопадов, когда зима еще не укротила свой нрав и еще собаку целиком снегом должно заносить, припекло вдруг солнце. И тут же вдоль Большой Моравы задуло, и теплый ветер с юга утром принес преждевременный желтоватый весенний дождик. Пару дней моравские белоголовые горы еще как-то с кислой гримасой терпели его, но потом по руслам Кучая и Везироваца в Равницу, Белицу и Црницу хлынули мутные, злые как осы, буйные потоки, неся перед собой вырванные с корнем кусты и утопших овец с намокшей шерстью.

Темные воды Белицы, Раваницы и Црницы сначала выплеснулись на зеленоватый лед, после чего, сплетясь в грозные клубки, ворвались под его шкуру. От этого скованная льдом река поднялась, словно прокисшее в квашне тесто, и взбурлилась, поглядывая вокруг как злой бодливый вол. И в одну прекрасную ночь, когда вдалеке, похрустывая и шебурша, трещало что-то вроде сухих веток, лед вскрылся. Уже на заре, лениво тронувшись, река рыгнула, как будто у нее схватило желудок, и, подпрыгивая и сотворяя обратные сальто, вслепую, наугад, рванула вперед. Высоко вздымая колени и не уклоняясь от русла, она с яростью уничтожала все, что вставало на ее пути.

Раздраженная и злая, со зловещим грохотом река сначала набросилась на железнодорожный мост. Гоня горы льда, она пихала и толкала широкими плечами странную преграду на своем пути, по которому едва ползли перепуганные составы. Металлические опоры под ними скрипели и стонали как во время землетрясения. Преграда никак не хотела сдаваться, но и стихия не желала уступать. И тогда река, непрерывно получая все новое и новое ледяное подкрепление, наслаивая льдину на льдину, изготовилась идти на опасный прорыв.

Моментально из артиллерийских казарм примчался взвод саперов. Солдаты карабкались по громоздящимся льдинам и конструкциям моста не хуже цирковых акробатов, рассматривая

заторы в бинокли так, будто им предстояло отбивать танковую атаку. После этого они принялись лупить по льдинам из минометов. За пару дней опасный затор удалось ликвидировать. Темная вода, пестрея светлыми льдинами, неслась меж устоявших быков моста с устрашающей скоростью, обрызгивая ледяными каплями рельсы.

Однако двумя километрами ниже льды наткнулись на низкий, почти залитый водой деревянный мост в конце Главной улицы, который два с половиной года тому назад построили русские. Возвели этот малый мост во время освобождения рядышком со взорванным железным, всего несколько месяцев тому назад, и, пока еще не подняли из воды и не восстановили *большой*, мост этот стоял желтым красавцем. Но теперь, возле восстановленного гиганта, сверкающего свежей охрой, *малый* вдруг стал похож на всеми забытого, сопливого деревенского племянника, насильно привезенного в город. А поскольку никто не знал, что с деревянным мостом делать дальше, его даже и не пытались облагородить.

Малый мост сопротивлялся недолго. Кольшась и изгибаясь, он несколько дней выдерживал напор большой воды. Но потом, барахтаясь как щенок, он превратился в длинный плот, засыпанный сломанными ветками, и прямо по центру реки в него врезался огромный, тяжелый, видимо, снесенный потоком с Ады черный тополь. Нырнув под лед, он с силой ударил в мост, в его, похоже, самое слабое место; мост лег на бок, тем самым подставившись под еще более мощный удар воды, и с хрустом сломался, как тонкая досточка. Под глухой треск и скрежет он сорвался со своих придонных скреп, вытолкнул желтые крепежные шипы, брусья и доски настила и, разломившись на две огромных половины, тронулся по воде, пристав к быкам своего близкого железного родственника.

Так в течение недели реку запрудило во второй раз. Освободившаяся ото льда и запруженная обломками, она, похоже, не представляла особой опасности для железнодорожного моста – солдаты бросили все и вернулись в казармы. И тут река, обезумев, лопнула как перезревший чирей и бросилась во все стороны.

Пока безостановочно лил сильный дождь, Моравы была бескрайне серой, похожей на кипящее море. На севере, между Чуприей и Ягодиной, она перегрызла Цариградский шлях, потом размыла насыпь, разбросала вагоны и шпалы, словно зубочистки. То же она сотворила и на юге, между Чуприей и Парачином, и, оставив в покое два поселения на малых островках, затопила несколько окрестных сел с прилегающими полями. Наконец, она вспомнила и крохотную Раваницу. Искося хмуро глянув на речушку, залила ее встречным потоком и наполнила до предела. А Раваница, захлебнувшись вешними водами, взбесилась и, чего никогда не бывало, повернула свой ток вспять.

Несчастливым жителям Чуприн не раз доставалось по два несчастья кряду, но чтобы два счастья – никогда. Вот и сейчас те, кто жил подле Моравы, ошалев от свалившейся на них дармовщины, уселись в верткие плоскодонки, вооружились баграми, крючьями, мотыгами и кошками на веревках и начали ловить золотисто-желтые брусья русского моста, которыми они следующей зимой будут с гордостью топить свои печи. А другие, проживающие на берегах Раваницы – дочки Моравы, вынуждены были спасать цыган.

Третьи же и четвертые теми ночами, вооружившись шестами и фонариками, обходили подтопленные дома и следили за уровнем воды; потом Раваница, прижатая Моравой, будто на цыпочках тихо покинула город и вернулась в свое русло. После чего, найдя еще один проход, подлю сожрала плотину у Недельковой мельницы и еще раз, галопом, против привычного течения, ворвалась в цыганское поселение, опрокидывая, совсем как испуганная лошадь, бочки и заборы.

В ночи раздавались вопли перепуганных цыган. Вслед за ними взревели военные сирены и зазвонили во всю мочь церковные колокола. Армия, УДБА<sup>1</sup>, комсомольцы, милиция – все ринулись спасать цыган.

Целых два дня продолжалось спасение скудного цыганского имущества. Потом все еще полноводная Раваница вроде как удовлетворилась и, оставляя за собой грязищу, вернулась в привычное русло. А спасенные обитатели селения, прихватив уцелевшее барахло, сбились в кучу на дамбе и принялись плевать в затопившую их воду, ожидая, когда с мокрых веток слетят запорхнувшие туда курицы.

Несмотря на шум и панику, причиненный ущерб был невелик. Кроме двух-трех жалких мазанок, которые цыгане мигом восстановят, стоит только установиться настоящей весне, трагически погибли всего лишь несколько куриц, а одной из птиц, на глазах у потрясенных жителей, выпускник местной гимназии, а ныне прапорщик УДБА, сухощавый высокий блондин Светислав Петрониевич по кличке Русский, жертвуя собой, спас жизнь.

В сапогах, полных воды, и в шинели, длинными мокрыми полами хлеставшей его по острым коленям, он из плоскодонки, на веслах которой сидел милиционер, полез прямо на дерево. Несколько птиц он удачно схватил и швырнул в лодку. Но одна из них, перепугавшись, бросилась ему прямо в лицо, свалилась в воду и под веселые крики любопытных камнем ушла на дно. Светислав выматерился и, не раздумывая, прыгнул с дерева прямо в грязную ледяную воду. Обезумевшую птицу он вытащил (та сначала прикрывала глаза белой пленкой, потом очухалась и как пьяная замотала головенкой), но при этом герой промок насквозь, что и послужило причиной его болезни.

## 2

Через два дня высокая вода отступила, и Русский вернулся к своим обязанностям, но – с отяжелевшими руками и воспаленными глазами, охрипший, не выспавшийся и в лихорадке.

После приключения он целых две недели провел в делах. Все это время зима мучилась, никак не решаясь – то ли еще продолжить борьбу, то ли же затаиться до лучших времен, и потому еженощно прихватывала мелкими морозцами почву, которая днем, едва пригреет солнышко, обращалась в долины в жидкую грязь. Русский, кашляя и чихая, зябко кутаясь в шинель и заглатывая бесполезные таблетки аспирина, с несколькими милиционерами и удбовцами трясся в перегруженных двуколках по невозможным горным дорогам, в которых колеса увязали по самые ступицы, сохраняя в левом обшлаге шинели донесения сельской закупочной комиссии, объезжал с обысками окрестные села.

Так или иначе, а зерно следовало из крестьян выбить. А поскольку добром они его сдавать не хотели, Светиславу было совершенно ясно, как следует поступать.

Он страдал от этой не покидавшей его мысли и от прилипчивой болезни, и потому, стоило ему войти в дом, обозначенный в списке, ощутить сытый, теплый дух молочной сыворотки, Светислав моментально впадал в бешенство. В то время как люди (*настоящие* люди, думал он, больные, голодные и израненные – а среди них на первом месте он непременно видел лично себя) мучаются и гибнут в борьбе за лучшую жизнь человечества, за *их* лучшую жизнь, они здесь варят яйца и ждут возвращения из эмиграции короля!

Он с яростью заставлял домашнюю челядь перекапывать двор, конюшню, вскрывать подполы... Если вдруг что-то нащупывал и, чаще всего, если обнаруживал тайник – задыхаясь, истерически крыл их матом в бога, в душу мать! Хозяина же в кустах – а иной раз и на глазах домочадцев – избивал до изнеможения. Закончив экзекуцию, он частенько задумывался над тем, что вот этот мужик так ничем и не проникся, несмотря на то, что сам Светислав просто

---

<sup>1</sup> УДБА – серб. Управа за државну безбедност, Управление госбезопасности.

сходил на нет после этого избиения. Тогда он ощущал себя бесконечно виноватым и до глубины души больным и несчастным, отчего еще больше злился и ненавидел этого крестьянина еще сильнее.

По сути, он ненавидел всю деревенщину мира. Все они – кровопийцы, кулаки и враги народа! И даже если пока нет – то будут! Иной раз он готов был пристрелить на месте такого. И это, уговаривал он себя, вовсе не было бы грешно – напротив!

В таких случаях он приказывал милиционеру запереть конкретную деревенщину в помещении сельского совета, а сам переходил к следующему хозяйству.

Однажды вечером в валашском селе Багреница, с яростью набив арестованными несколько комнат в сельсовете, а затем опустошив их, отправив толпы арестованных для дальнейшего решения их судьбы в город, Светислав неожиданно окончательно занемог. Окно, в которое он в тот вечер уставился, внезапно принялось плавно кружиться, и, пока он судорожно пытался предотвратить вращение деревянного переплета в рамках прямоугольного оконного проема, окружающий его мир сжался до размеров детского кулачка. Так Светислав потерял себя в неотчетливом гуле и неясной голубизне. Теряя сознание, он неслышно свалился на земляной пол.

После этого Светислав четыре дня провел в горячке в доме местного влаха-коммуниста.

Он будто сидел в кресле-качалке, колыхаясь между полуявью и полусном, чередуя ощущения болящего до стога тела и приятного облегчения вытянувшегося в покое скелета, между жуткой лихорадкой, явившейся результатом вроде бы несуществующего сквозняка, и потным жаром, вызванным отчетливым осознанием задания, которое обязан выполнить, и отчетливым ощущением, что не в состоянии сделать это. В первый день хвори он даже приказал милиционерам действовать самостоятельно. Но уже вечером, принимая от них рапорты, пришел в ужас от бестолковости и глупости, наорал на них и отправил подчиненных в город. Это еще больше убедило его в мысли о том, что он – просто-напросто сущий бесплодный интеллигент, слабак, который не в состоянии реализовать себя ни в какой должности, и тем более не в состоянии преодолеть себя, как бы не старался и не боролся сам с собой. Глядя на себя со стороны, он видел просто слезливого бесхребетника, и стыду его не было ни границ, ни утешения.

Его постоянно мучил один и тот же сон.

Стоило Светиславу опустить голову на подушку, набитую жесткой соломой, как в изголовье появлялись три игральные кости. Выворачивая шею и скашивая глаза, он следил за ними как за тремя забавными крошечными камушками, и замечал, что они, проникая в его ухо, постепенно пробираются к слюнным железам, под самый язык. Устроившись там, они поначалу не мешали ему. Но потом, постукивая все громче и вращаясь, словно танцую какой-то вальс на три четверти, они начинали расти. Это уже становилось опасным, и он, скрипя зубами и отхаркиваясь, пытался выплюнуть их. Игральные кости продолжали расти, превращаясь в крупные обкатанные кварцевые голыши, которые, громко стуча, заполняли полость рта и прижимались к самому небу. Усиливающееся отхаркивание не помогало ему, и Светислав бился в конвульсиях, судорожно дергая ногами.

Между тем камушки, всё увеличиваясь в размерах, постепенно проникали на второй этаж его черепа, давили на мозг и разрушали его тяжкими стальными ударами. И все это самым странным образом рифмовалось с одним из нескольких расстрелов, которыми он командовал во время освобождения.

– Беги, поп, беги! – опять вспоминал он и снова и снова удивлялся тому, как на спине поповской рясы под ударом невидимой пули вспыхивало нелепое облачко пыли, – и вдруг обнаруживал, что это – он сам, одетый в поповскую рясу.

– Нет! Это не я! – кричал диким голосом в пустой комнате Светислав Русский.

Он просыпался с заложенным носом и опухшим горлом, потный, с трепетно бьющимся сердцем, и сразу поворачивал голову к двери – не услышали ли его хозяева.

Нередко являлась ему и Гордана, выпускница школы в Чуприн, дочка довоенного офицера, затерявшегося после освобождения из плена где-то в мире, исчезнувшая куда-то прежде, чем он – из-за ее отца! – успел сказать ей то, что следовало сказать. Вдруг она виделась ему на широкой улице, и он, лучезарно улыбаясь, бросался к ней. «Гордана, – кричал он ей, – я должен тебе кое-что сказать!» Она, призрачно колеблясь, отступала назад. «Я вернусь!» – отвечала она, подрагивая всем своим кружевным телом. А потом таяла в воздухе. Во сне они вовсе не ссорились.

Просыпаясь в странной кровати, пропахшей пыльной сеной трухой, ощущая внутри себя тихую пустоту, он верил, что с той черноглазой, длинноногой девчонкой он запросто пролетел бы над всей грязью как на крыльях, как настоящий витязь на добром коне. И припрятанное зерно быстро бы отыскалось! А вот без нее – на тебе, вроде как всем хорош: Светиславу казалось, что, входя в каждый дом, он проявляет невиданную отвагу, демонстрируя власть и силу, а вовсе не отсутствие опыта и неловкость, которые и привели к болезни. На деле же совершает ошибку за ошибкой, с яростным удовлетворением шагает по тонкой корочке собственной гордости, с каждым шагом все глубже и глубже увязая в дерьме.

«Что же это такое? – с удивлением задавался он вопросом, оглядываясь вокруг. – Неужто именно это и называется жизнью? Неужели эти люди все время жили такой вот жизнью, и то, что я тут вижу – наивысшее их достижение? А может, я не так это понимаю и плохо смотрю?»

Еще в первый свой ночлег в селе он заметил, что его хозяин из Багреницы, едва заслышав у дома собачий лай, вскакивает с постели и, прихватив керосиновую лампу, с топором в руке направляется в конюшню. Постояв там некоторое время, с огнем обходит двор и бесшумно возвращается в дом. Было похоже, что он готов вскочить в любой момент.

Однажды он все-таки спросил его об этом.

– Боюсь, скотину отравят – отвечал влах<sup>2</sup>.

– Кто?

Мужик махнул головой, на которой покоилась мохнатая шапка:

– Селяне.

Русский было понял так, что на самом деле виной тому был он, однако вскоре решил, что крестьянин хочет у него что-то выпросить. «А что он может от меня получить? – мысленно усмехнулся Светислав. – Может, сам что-то припрятал?» И решил не предлагать ему свою помощь.

«Почему же они так живут? – размышлял он, глядя в потолок. – Как могут влачить такое существование? Вокруг них беда на беде и бедой погоняет, а они словно ничего не видят, мало того – сами стараются в беду ввязаться». Измученный и больной – стоило подняться с кровати, как ноги начинали предательски дрожать, и опять валился в постель, – он пытался хоть как-то управлять своим немощным телом, сделать хоть несколько шагов по комнате. Именно тогда Светислав впервые подумал о том – и это все чаще и чаще стало приходить ему в голову, а с годами превратилось в навязчивую идею, – что люди, некогда избитые им, чувствовали себя совсем как он во время болезни. «Может, – усомнился он, – и не стоило их избивать?»

«Но как с ними иначе? – тут же возражал сам себе. – Как их сдвинуть с места?» Он ненавидел их безволие и готовность к страданиям, ненавидел их вероломство и куриную слепоту. Ради кого он все это делает? Ради нас всех, и ради них тоже!

Зерна, видел он, у них и для самих себя не хватает, не говоря уж о том, чтобы отдать его другим. Но ведь и теми припасами, что есть, надо делиться. И хоть бы продемонстрировали простое желание двинуться вперед! Нельзя больше топтаться на месте, не выжить им так. Пропадут ведь. Но если им грязь и нищета, беда и горе все равно что свинье лужа, то выгнать

---

<sup>2</sup> Здесь – житель Валахии.

их оттуда разве что только кулаками и можно. Батоги для них единственно понятный язык, любят они их раздавать, да и, получая, не ропшут. Только их они, видно, и уважают.

«Ладно, – думал он, глядя в оконце на разбитую дорогу, – если они к этому привыкли, то разве я тоже привыкать должен? Как мне-то выжить?» Потому что грязь, с которой он борется, затягивает и его, все глубже и глубже, уже обволакивает руки, залепляет лицо, глаза. Светислав уже плохо видит, тонет, задыхается в ней. «Как же мне выжить?» – все чаще задумывался он.

Иногда вдруг его охватывало непреодолимое желание встать под мощную струю воды, долго намыливать мочалку и тереть собственное тело, чтобы смыть с себя эту грязь. Некоторое время он боролся с таким желанием, однако явственно ощущал, как его тело покрывается грязной корой. Наконец подымался и шел босиком, по липкому глиняному полу, в длинных солдатских кальсонах, пошатываясь на тонких ногах, мыл руки в грязном тазу с водой, что стоял в углу комнаты. Казалось, после этого ему становилось немного легче.

И так вот четыре дня. Тогда, больше из упрямства, чем от улучшения самочувствия, он поднялся с кровати, завернулся в шинель и позаимствованное валашское одеяло, погрузился на двуколку и вернулся в город.

### 3

Несколько последующих дней, пока еще застенчивая весна не очень окрепла, Светислав в небольшом домике бывшего железнодорожника у казармы на улице Милоша Обилича без особого восторга отдался заботам старшей сестры Радмилы – родителей у них уже не было – некрасивой старой девы с плоским лицом и кривыми ногами, работавшей в комитете СКОЮ<sup>3</sup> и приходившей домой очень поздно. Это вынуждало его самостоятельно делать по утрам омлет из трумэновских порошковых яиц и молока<sup>4</sup>, после чего, все еще сопливый, он отправлялся на службу на Досифееву улицу.

– Ну, что же нам делать? – недовольно вздыхал оперуполномоченный Марич, красивый ловкий парень в новой униформе. – На оперативную ты не годишься. Может, причешем городских реакционеров?

И он вывалил на стол целую кипу дел.

Светислав сразу принялся за работу.

Он просмотрел титульные листы, внимательно изучил рапорты сотрудников, но не нашел ничего интересного. Одни только глупости.

Проглядел дела еще раз и – с чего-то надо было начинать – задержал взгляд на одном из них. Подшитые в нем донесения представили трусливый гимназист-скоевец<sup>5</sup>, которого он никогда не видел, и симпатичная крашенная учительница истории, что некоторое время преподавала ему (он терпеть ее не мог), доносившая УДБА из страха – во время оккупации она спала с немецким офицером. «Времена и власти, – думал он, – меняются и должны меняться, но стукачи всегда остаются стукачами». И он ощутил симпатию к юноше, которого заложили эти двое, хотя тот вовсе не был ему знаком.

Светислав послал за ним в школу милиционера.

– И смотри там, не очень-то, – приказал он сотруднику. – Вызови его через секретаршу. И веди самому явиться.

Парень вскоре пришел – небольшого роста, с высокой копной черных волос на голове, широко вышагивая ногами в модных резиновых ботах, – и Светислав удивленно констатировал: вот он, на два-три года младше его, симпатичный гимназический волейболист Миша по

---

<sup>3</sup> СКОЮ – Союз коммунистической молодежи Югославии.

<sup>4</sup> Имеется в виду американская гуманитарная помощь времен президентства Гарри Трумэна.

<sup>5</sup> Член СКОЮ.

прозвищу Булочка, которого он частенько встречал около своего дома с невысокой белокурой гимназисткой. При виде парочки, расстающейся в сумерках у дверей подружкиного дома, его как ножом пронзали воспоминания о Гордане, и Светислав, желая наблюдать и одновременно не мешать им, как-то по-старчески полюбил этих ребят – ему казалось, что он намного старше и опытнее их – и, поспешно входя в свою дверь, завидовал им. Теперь этот парень стоит перед ним, снова напоминая о том, что и без того неотрывно мучило его.

Исподлобья он смотрел на него как на старого доброго знакомого, как на родственника, с которым после долгих лет разлуки встретились в незнакомом краю. Светислав посадил его на стул в трех метрах от стола. Заправил в пишущую машинку под копирку четыре листа бумаги и принялся выстукивать установочные данные.

– Как тебя зовут?

Волейболист ответил.

– Происхождение? Кто у тебя отец?

– Стрелочник.

– Рабочий, значит?

– Рабочий.

– Псевдоним?

Парень осклабился.

– Кличка. Кличка у тебя есть?

– Ну, меня Булочкой зовут.

Парень слегка побледнел, но держался хорошо. Светиславу и это понравилось. Он отстучал ответ и оторвал взгляд от машинки. Он с улыбкой посмотрел на него:

– Чего это тебя так прозвали?

Тот в ответ тоже усмехнулся:

– Когда отец сюда приехал, он сначала был пекарем, горячие булочки продавал. Потом только устроился на железную дорогу. А Булочкой сначала его прозвали, а потом и меня тоже.

Светислав нарочито внимательно разглядывал его волосы, потом – боты:

– Кажется, тебя недавно хотели принять в СКОЮ? – Да.

– И... Чего же тебя не приняли?

Он пожал плечами:

– Не знаю.

– Потому что дурака валял, вот почему. Что ж ты не поехал на магистраль<sup>6</sup>?

Опять он пожал плечами:

– Я записался. Но у меня переекзаменовка была по латыни. Пришлось остаться.

Светислав весело подмигнул ему:

– Да ну! Из-за латыни? Ты, дружище, остался ради блондиночки, а не из-за латыни!

И тут ему вдруг пришло в голову, что он опять – по привычке! – пускается в интимные рассуждения, и потому парень обязательно начнет врать. Сам же его и принуждает к этому! И потому заранее обзлился на самого себя и на ожидаемый ответ, который еще не успел прозвучать.

Но Булочка сокрушенно признался:

– Да, и из-за нее. Но в этом году мы записались оба. Обязательно поедем.

Молодого прапорщика это признание сильно задело. «Так и мы могли бы, – автоматически подумал он, ощутив боль в сердце, – и мы могли бы».

Он опять с болью изгнал из мыслей образ, который причинял ему столько страданий.

---

<sup>6</sup> Имеется в виду строительство «добровольными молодежными бригадами» в конце 40-х – начале 60-х автомагистрали «Братство – Единство» от Люблины до Скопье (Е-72).

– А знаешь ли ты, – продолжил он многозначительно после короткой паузы, – знаешь, почему я тебя вызвал?

Волейболист посмотрел в сторону, после чего втянул голову в плечи, будто в ожидании пощечины.

– Не знаю, – испуганно произнес он. – Понятия не имею.

Светислав посмотрел на него с жалостью. «Все они одинаковы, – подумал он. – Все лгут. И по большому счету, и, как сейчас, по малости, и когда презираешь их, когда должен и хочешь сломить их, и когда они симпатичны тебе и хочешь помочь им. Чертово дерьмо человеческое, им лишь бы подальше от власти, несмотря на то, что она тут, рядом с ними. Как же быстро их восторг от свободы прошел!»

И вдруг в тот момент, когда он отыскивал настоящее, спокойное слово, его пробил кашель. Покраснев, он вытащил из кармана чистую белую тряпицу размером с полотенце, долго откашливался в нее, после чего вытер нос.

– Мудак ты, ничего не знаешь, – произнес он сквозь тряпку. – Всё ты знаешь! Глянь только, как ты нахохлился. Будто отец у тебя сахарозаводчик, а не булочник.

Сидящий перед ним парень громко проглотил слюну и умолк.

А прапорщик вдруг крикнул:

– Разве не говорил ты, мудило, что наша тяжелая промышленность, – тут он открыл ящик и заглянул в лежащее там открытое дело, – что наша тяжелая промышленность после первого пятилетнего плана начнет выпускать деревянные гребешки? Или ты представления не имеешь, кто это сказал?

Волейболист опять сглотнул, после чего руки его дернулись:

– Ну, я сказал, мать твою.

Молодого следователя настолько изумили эти слова, что его просто охватила паника. «То ли расхохотаться, – подумал он, – то ли со стула свалиться...» Он наклонился, втянув подбородок в воротник офицерского кителя и, выждав немного, спросил:

– Мать твою, а зачем?

Опять нерешительный жест:

– Да ничего. Пошутил я.

Светислав все никак не мог решиться.

– Так чего же ты, болван, – вымолвил наконец он, – так глупо шутишь? Да еще при всём классе?

Миша опять развел руками. Отвечать ему было нечего.

Русский на минутку задумался:

– Значит, в этом году точно на магистраль поедешь?

– Точно, – и тут же добавил: – А иначе меня в институт не примут.

– Так ведь не только ради института?

– Конечно, нет, – Булочка явно сам на себя обозлился из-за такой ошибки: – Так или иначе поехал бы.

После этих слов прапорщик Светислав Петрониевич поднялся, отодвинул свой стул и вышел из-за стола. Ему захотелось хоть что-то сделать для этого парня. И он принял решение: не читать ему более лекцию о том, что на строительство магистрали люди идут не ради поступления в институт, и, пропуская буквы, отстучал в протокол: «Явившись к уполномоченному Управления государственной безопасности, на вопрос, говорил ли он, что наш пятилетний план создаст тяжелую индустрию, которая будет выпускать деревянные гребешки, обвиняемый признал, что он сказал это, но по глупости. Он заявил, что не осознавал последствий своего поступка и что, будучи неорганизованным юношей, по происхождению из рабочих, не является врагом социализма, в этом году отправится с бригадой на молодежную стройку участка магистрали Шамац – Сараево».

– На, подпиши!

Парень обмакнул ручку в чернильницу.

– Нет, не спеши! Прочитай сначала, что там я написал.

Миша пробежался взглядом по бумаге и нервным движением подписал. Светислав подумал: «Готов поспорить, что эта закорючка ничуть не похожа на его настоящую подпись», после чего указал пальцем на дверь:

– А теперь ступай. И если еще раз увижу тебя здесь, – злобно крикнул он, – будь уверен, я тебя вздрючу!

#### 4

Булочка ушел, а Русский в кабинете просто сиял. Он не мог нарадоваться на себя. Да, в мире нет работенки лучше этой! Как вообще эти люди, что окружают его, могут жить без этого? Разве можно жить не так, а иначе?

Он был уверен в том, что нашел для себя занятие на всю жизнь, которая казалась ему бесконечной дорогой, прямой, чистой и белоснежной, опоясывающей весь земной шар.

В таком настроении он вложил в папку волейболиста протокол допроса и отнес ее Маричу. Того на месте не оказалось, и Светислав положил папку ему на стол.

После этого он отправился в тюрьму. Там в отдельном кабинете допросил под протокол двух крестьян-укрывателей, которых сам арестовал и еще в селе избил. Пребывая в хорошем настроении, он быстро и миролюбиво покончил с допросом, после чего отправился на обед в гарнизонную офицерскую столовую, расположившуюся в бывшем ресторане «Единство» на Главной улице. Там он и увидел Марича.

– Я допросил этого Николича, из гимназии, – доложил он. – Этого, с деревянным гребешком.

Марич припомнил:

– А, хорошо. Чего только они там не наболтают! Следовало бы его поприжать. Пусть знают, что такое лаять на народную власть.

Светислав ответил:

– Я, по правде говоря, закрыл дело. Отпустил его домой. Парень из рабочей семьи, кандидат в СКОЮ, записался на магистраль.

Капитан, прищурившись, поглядел на него:

– Говоришь, из рабочей семьи? Ты хоть завербовал его? Взял с него подписку? Чем ты придерживать будешь?

– Да нет, – махнул рукой Светислав. – Нам этого добра и так хватает.

– А ведь он подошел бы. Вращается в среде этих... спортсменов.

Светислав опять отмахнулся:

– Да оставь ты его! Он весь в любви купается. Зачем ему жизнь портить?

Марич с удивлением посмотрел на него и дурашливо засмеялся:

– Нет, ты погляди на него! Какие мы чувствительные! – И затряс головой. – Ты, блин, полицейский, а не гувернантка!

– Да ладно, хватит. Сделал что сделал, и всё.

– Хорошо, хорошо, – успокоился Марич. – Не буду тебе жизнь портить. Но только не вздумай продолжать в том же духе. Пусть думают как следует, прежде чем языком молоть, я не собираюсь вместо них голову себе ломать. А что с остальными?

– Допросил двух укрывателей зерна из Бигреницы.

– Молодец, – одобрил Марич. – Я на после обеда вызвал эту... Елич. Займись ею. И – будь понастойчивей. Никаких сантиментов. Вызывай ежедневно. И общайся без протокола.

– Есть, – кивнул Светислав, – только что там такое может быть?

Марич неожиданно осклабился. У него были прекрасные белые зубы и острые клыки:  
– Свои беспочвенные догадки, товарищ, оставь для своей жены, если вдруг женишься. А теперь слушай, что я тебе скажу. Эти мелкие вредят нам куда больше, чем крупняки. С теми, по крайней мере, все ясно. И кроме того, она переписывается с мужем, который в Германии. Ясно?

## 5

Почувствовав озноб и дрожь в теле – от лопаток до самых бедер, отхаркивая на тротуар комочки слизи, Светислав отправился домой в надежде прилечь ненадолго. Но в нетопленной комнате невозможно было заснуть, да и лежать в ней не хотелось.

Часа в четыре в его кабинет ввели женщину.

Он ее знал. Повязанная платком и небрежно одетая, даже беднее, чем обычно – все они старались выглядеть здесь как можно беднее и незначительнее, – наверное, не сильно умная, но красивая настолько, что дух захватывало: чистое, ясное, открытое лицо, обрамленное волосами цвета воронова крыла, высокая и в талии тонкая как девчонка, но с полными и широкими бедрами, она казалась тяжелее, чем была. В упор рассматривая ее и постепенно возбуждаясь, Светислав почувствовал дрожь в коленях.

Он наклонил голову и суше, чем ему бы хотелось, начал официально:

– Садись, товарищ.

Сжав ладони, она присела на краешек стула.

– Как тебя зовут?

Красавица удивленно встрепенулась:

– Станка. Станка Елич.

Словно ничего не замечая, он продолжил:

– Кто по профессии?

И опять этот удивленный взгляд:

– Швея.

– Замужем?

Нетерпеливый взмах ладони:

– Слушай, Светислав, будто ты меня не знаешь! Зачем вы меня мучаете?

Он ненадолго растерялся: «И правда, что это я комедию ломаю?», но тут же в голове у него мелькнула мысль: «Они хотят уничтожить эту страну. Не позволю!» И он со злостью крикнул:

– Я спрашиваю, есть у тебя муж?

Она даже дернулась всем телом.

– Конечно, есть, – тихо ответила она. – Да только нет его здесь. Вы и сами знаете, где он.

Светислав опять прикрикнул:

– Ничего я не знаю! Где твой муж?

Совсем испугавшись, женщина хрипло продекламировала:

– В Германии. Остался. Не вернулся из плена.

Прапорщик несколько успокоился, однако сохранял суровость. «Сколько мы, – думал он, – перебили – в войну и после. И хотя власть теперь у нас, приходится возиться с оставшимися – потому что слишком мы добренькими были».

И в самом деле, он старался не обращать внимания на ее красоту, безуспешно борясь с этим. Видимо, из-за едва ощутимого терпкого запаха мыла и пота, который чувствовался на расстоянии, из-за тихого, словно дыхание, шороха чулок на полных икрах, доносившегося, когда она закидывала ногу на ногу, натягивая на колени толстую юбку, после быстрого, короткого взгляда, брошенного на округлые бедра и нежные щиколотки, обтянутые хлопковыми

носками, на ее обтянутые свитером груди, напоминающие половинки спелых яблок, на слегка припухшие губы что-то сжималось у него в низу живота, и рот забивала невесть откуда взявшаяся слюна. Мурашки пробежали по спине, и Светиславу потребовалось некоторое время, чтобы вновь прийти в себя.

Он сопротивлялся из последних сил. «Она же идиотка! – спорил он со своим телом. – Слушай, что она говорит, посмотри, губки собирает в куриную гузку, как крестьянка!» Но это не очень помогало ему, и после короткого перерыва приятное искушение начиналось снова.

Наконец ему пришло в голову, что и Марич точно так же чувствовал себя перед ней, и, скорее всего, именно по этой причине взвалил на него обязанность допрашивать ее. Теперь ему задание показалось более важным, да и в собственных глазах его значимость выросла. Он даже выпрямился на своем стуле и развернул плечи.

Официальнее, нежели хотелось, он допрашивал ее, не очень интересуясь ответами, холодно цедя слова сквозь стиснутые зубы. Пару раз он заглянул в агентурные донесения о ее переписке с мужем, пребывающим в Германии, но ничего серьезного в них не обнаружил.

Итак, о чем она ему пишет? А он ей? И что еще? Неужели только это? А-а, значит, еще кое-что? Чем ее муж занимается в Германии? Мы знаем, что работает на заводе, ну а чем занимается после работы? С кем дружит, пишет ей о друзьях? Связан ли с четниками<sup>7</sup>? Конечно же – нет, но состоит ли в их организации?

А она, пугаясь все меньше, становилась равнодушнее, и хотя продолжала слегка заикаться, отвечала более уверенно. Как будто ей нечего было скрывать.

Он переключился на ее разговоры с соседками и знакомыми. Еще хуже. С ними она в основном не разговаривает, просто рта не раскрывает; разве что только о том, что нет то сахара, то соли. А о политике – ни слова, не ее это дело.

Короче говоря, ни хрена.

Он отпустил ее.

## 6

Наутро Светислав явился в кабинет Марича.

– Послушай, – сказал он, – стоит ли мне дальше напрягаться с этой идиоткой? Она у меня два часа вчера съела. Давай я протокол составлю, и спишем дело в архив.

Уполномоченный глянул исподлобья, после чего набросился на него:

– Опять ты со своими идеями! Сколько еще будешь издеваться надо мной? Послушай, мудозвон, будешь ты работать или не будешь?

Светислав испуганно воздел руки:

– Хорошо, хорошо, не переживай. Все в порядке, я продолжу! – И тут же завел разговор о других делах, стараясь отвлечь внимание начальника. Однако шеф разозлился не на шутку.

Все эти дни Светислав ходил не выспавшимся; он устал так, будто с раннего утра до позднего вечера косил траву. Какой-то потаенный холод затаился в его теле – иной раз стоило ему окунуть в воду палец, как все тело начинала бить дрожь, зубы принимались стучать, словно швейная машинка, а в кашле заходился так, что дыхание перехватывало. Чувствовал он не столько боль, сколько неприятную тяжесть в груди и плечах, будто собственные руки сделались невыносимо тяжелыми.

Тем не менее Светислав продолжал работать. До обеда укрыватели зерна, после обеда – Станка.

---

<sup>7</sup> Здесь – во время Второй мировой войны члены монархических партизанских отрядов, воевавших против немцев под командованием генерала Драгослава Михайловича.

– Отлично, – говорил он, когда та входила в кабинет, будто прощал ей все, что было до этого, – продолжим.

Она опять пристраивалась на стуле, складывала на коленях руки, пальцами выщипывала ниточки из юбки или разглаживала ладонями складки и, бледная как и он, с таким же мутным, мертвым взглядом, скучным, гнусавым голосом повторяла то, что рассказывала ему раньше.

Переписывается с мужем; пишет ему, что жить трудно, просит слать ей посылки; о том, что жить трудно, говорила с соседкой Живкой, фамилию ее не знает (Светислав решительно кивал головой, а про себя восклицал: «Станойчич, идиотка!»), с Ресой и Персой, с ними говорила о том, что в лавках ничего нет, например соли; еще говорили о том, что нет сахара, и вообще продукты можно получить только по карточкам. А почему до войны сахара можно было купить сколько хочешь и без всяких карточек? И в промтоварных магазинах тоже почти ничего нет, один только партизанский ситец, который гроша ломаного не стоит.

Со временем у него появилось стойкое ощущение, будто глаза ему подвели жирным химическим карандашом. От этого кожа вокруг них, казалось, собралась морщинами и отвисла мешочками, словно он годами ходил в очках. Он страдал от постоянного желания умыться, им овладевала дрожь, и он принимался сильно тереть ладонью лицо и глаза, будто избавляясь от налипших на них волос. И это еще больше раздражало его.

Из-за этого он начинал кричать на женщину, стуча кулаком по столу. Он злился. Постукивал пальцами по столешнице, цинично обрывал ее на полуслове и ехидно шипел. А она, пугаясь, неожиданно уходила в себя и умолкала, испуганно закрывая рот. И он был вынужден отпускать ее.

До завтра. А на завтра все повторялось вновь.

Это сильно раздражало его, и он опять принялся избивать в тюрьме укрывателей зерна. Светислав с нетерпением ожидал, когда кто-либо из них не понравится ему, и с охотой предавался ярости – ему нравилось гореть в огне праведного гнева – и он начинал лупцевать человека кулаками и ногами. Это помогало ему забыться – они не западали ему в душу.

На самом деле он никак не мог избавиться в мыслях от Станки. «Сломает она меня, – с грустью заключал он, – а не я ее».

Дома он все чаще представлял, как избивает ее. В мыслях бил бешено, с удовольствием, с наслаждением, и будто яд какой-то покидал его тело. Ему хотелось, чтобы женщина оказалась очень опасной шпионкой, которую кто-то с ужасным заданием прислал сюда, за которой годами охотились органы, таинственной и неуловимой террористкой, готовящей покушения на первых лиц государства, охотящейся за главами правительств и режимов в Южной Америке и Восточной Европе, прячущей под толстым сукном юбки дюжины бомб и револьверов. Ему хотелось увидеть, как она, с растрепанными волосами, в длинном черном платье, которое делает ее еще выше, стоит перед ним, гордо выпрямившись, как эдакая террористическая Долорес Ибаррури, с презрительной усмешкой отвечая на его вопросы. И тогда оба они, как два настоящих умных противника, сходятся в жестокой идеологической схватке, в которой с огромным трудом – но все же! – побеждает он. В итоге она, настоящая героиня, прошедшая огонь, воду и медные трубы, склоняется перед его мужеством, признает поражение и, не отказываясь от своих убеждений, с затуманенным взором начинает медленно раздеваться перед ним.

А Станка, в своей черной юбке, которая, откровенно говоря, ничуть не портила ее, входила в кабинет с сокрушенным лицом, испуганно, будто в церковь, и у него не поднималась на нее рука. И он снова вздрагивал от каждого собственного слова, словно от него зависит вся его жизнь, а она оставалась все такой же тупой и бесчувственной, словно дерево. И только ладонью разглаживала складки на юбке, будто ей вовсе нечем было заняться. Светислава сжигало желание совершить нечто героическое, что навсегда бы запомнилось, что спасло бы эту новую жизнь, что указало бы выход погружающемуся в пучину обществу, и он готов был сложить ради этого свою буйную голову. А она толковала ему о сахаре, ситце и отсутствии ниток для шитья.

В один прекрасный день он не выдержал и после разговора с ней заявился в кабинет к Маричу. И прямо с порога заорал на него:

– Слушай, ты! Слушай! Я – я! – политическая полиция! А не говнюк с улицы! И не желаю больше слушать всяких там баб, что толкуют про сахар и постное масло! Хватит! И... я тоже знаю, что в лавках нет сахара и постного масла! Нет сахара! Говно этот ваш партизанский ситец! И вообще всё никуда не годится! И что? Отправишь меня под замок? И меня допрашивать станешь?

Марич побледнел и медленно поднялся из-за стола.

– Не стоит тебе так, – тихо, сквозь зубы процедил он, – со мной так разговаривать. Прапорщик Петрониевич, что это вы позволяете себе так со мной разговаривать? Кто вам позволил учить меня работать?

Светислав раззявил рот:

– Что значит – позволил? Хочу – и буду!

Но запал его неожиданно угас:

– Так точно! – И опустил на стул. – Слушаюсь! Да только она мне без конца талдычит, что соли нет, сахара и постного масла – и много чего еще! Слушай, брат, давай я протокол составлю, и отправим это дерьмо в архив! Ничего мы из нее не вытащим, только время теряем!

Марич гневно смотрел на него. Перед ним стояла на столе переполненная тяжелая стеклянная пепельница. Он схватил ее, будто желая запустить ей в Светислава, и тут же со стуком опустил на столешницу. Пепел и окурки рассыпались по бумагам:

– Не тебе это решать! Надоел ты мне! Здесь полиция, а не парикмахерская! Вот уволишься – и покупай себе белые перчатки!

Тяжело дыша, он умолк на мгновение:

– Башка твоя пустая, идиот! Ее муж – член комитета в Мюнхене. Похоже, он и курсы в Шварцвальде прошел!

У Светислава голова кругом пошла. «А передо мной, – подумал, – монахиню изображает!» Он, будто умываясь, принялся тереть лицо ладонями:

– Но почему об этом ничего нет в деле?

– Нет! – заявил Марич. – И не должно быть!

– А что же ты мне ничего не сказал? Откуда мне это знать было?

– Если не знаешь, значит, и не должен ничего знать. Впрочем, сам бы мог спросить...

Светислав виновато предположил:

– Может, она тоже ничего не знает?

Марич уставил на него указательный палец:

– Может, не знает, а может, и знает. Вот это и надо установить. Но что это с тобой? Может, влюбился? В кого, кретин? И кого ты защищаешь? Погляди-ка на нее! Думаешь, если ее муженек вернется, она тебя защитит?

Светислав съежился, будто его холодной водой окатили. «Так мне и надо, – подумал он. – Мудак я все-таки, правду он говорит».

Марич продолжил, добывая его:

– Ты что думал, американцы к тебе самих Даллеса и Трумэна пошлют? Чтобы ты их здесь самолично допросил? – В поисках чего-то он повернулся лицом к стене. – Впрочем, этот сахар с постным маслом тоже сгодятся. В Англии тоже сахара с маслом нет, и там все по карточкам распределяют, только они об этом не болтают. Составь протокол только на эту тему и дай ей три дня на то, чтобы она нам все о своем муже доложила. Если нет – прижмем ее. Тогда и посмотрим, у кого из нас времени на размышление больше.

7

Наутро, едва Станка вошла в кабинет – а чувствовал он себя все хуже и хуже, едва на ногах держался, – Светислав набросился на нее:

– Значит, так вот ты! Я с тобой цацкаюсь, а ты скрываешь, что твой муж – член комитета в Мюнхене!

Стоянку неожиданно пробила дрожь:

– Какого еще комитета, товарищ Светислав?

– Значит, понятия не имеешь, какого? Четницкого! А ты здесь мне дурочку строишь! Слушай, не желаю я больше тут с тобой время тратить!

Он вставил в пишущую машинку лист бумаги и молча отстучал ее показания про сахар и соль. Ничего он не забыл – ни Персу, ни Живку, все ее слова записал и даже, сильно поспешая, немного больше.

Потом сунул ей на подпись. Она молча читала.

– А это что такое? – спросила. – Что это за «вражеская пропаганда»?

– А ты что думала? – заорал Петрониевич. – Занимаешься политикой, а хочешь, чтобы мы тебя по головке гладили? В Англии тоже нет сахара и масла, но ведь ты об этом помалкиваешь! Будто только у нас нет сахара и масла... Подписывай!

Женщина зажмурилась и запричитала:

– Ой, люди, люди, что это вы со мной вытворяете?

Но – подписала.

– И, – продолжил Светислав злобно, выхватывая из ее рук протокол, – чтоб ты знала. Надоело нам с тобой возиться. Хватит! Даю тебе три дня на размышление, чтобы ты все о своем муженьке вспомнила. Если не припомнишь – арестуем. Подержим сначала три месяца, потом потребуем от прокуратуры продлить арест еще на три. Вот тогда и посмотрим, кому раньше наскучит. Хватит нас за нос водить.

Заплаканные глаза Станки стали еще больше. Она даже слезы перестала вытирать:

– Чего вспомнить, Светислав?

– Все нам расскажешь. Все, что вспомнишь.

Женщина зажмурилась, слезы опять вскипели в ее глазах, и она запричитала, мотая головой из стороны в сторону:

– Ой, люди, люди, что вы за люди такие?

Светислав просто вздрогнул от удивления. Что-то прямо подбросило его на стуле:

– Молчать! Молчать! – Ее слезы настолько удивили, что он не смог сразу сообразить, как следует реагировать. – Мать твою! Ты – мне – что я за человек? А ты? А вы? Что, пожалела бы меня, если б твой муженек вернулся? Если бы ваши головорезы вернулись?

Женщина в отчаянии взмахнула руками:

– Что у меня с ними общего? – Она поднялась со стула; похоже, она стала ниже ростом. – Значит, через три дня явиться?

Он взляял как гончий пес, преследующий раненую лисицу:

– Какие еще три дня? Завтра! Каждый день являться будешь! Хочешь, чтобы я отпуск тебе предоставил? Хочешь, чтобы я тебя на море отправил?

8

Прошел еще один день. Он задержал ее всего на несколько минут, спросил, не передумала ли она, немного пригрозил и тут же отпустил, после чего ему сразу же стало худо.

До обеда Светислав кое-как перемогся, но потом ноги отказались держать его. Ночью ему не спалось, и на следующий день глаза у него слипались. Ему страстно хотелось отдохнуть, и сразу после обеда он прилег на кровать. Но как только голова коснулась подушки, мысли его отлетели в какие-то неведомые просторы, в голову ударил жар, а тело сотрясла крупная дрожь. «Все-таки малярия! – подумал он. – Но с чего бы это?» Так он пролежал час или два, но организм отказывался успокаиваться.

Поднялся он, как и прежде, измученный, а на плечи навалилась знакомая глухая, коварная боль. Она проникала сквозь кости и скручивала пальцы, а стоило ему подняться с кровати, как тут же наступал отчаянный приступ кашля, а горло словно обрабатывали изнутри напильником. Светислав никак не мог отделаться от ощущения, что где-то глубоко внутри у него сидит вредный червячок, который непрестанно ворочается и щекочет его. Стоило этому червячку утихомириться, как кашель немедленно прекращался. Растирая больные руки, он озабоченно думал: «Неужели и ревматизм на меня навалился? Надо наконец отлежаться. Как только закончу с ней – сразу в постель!»

В результате окончательно решил сразу после того, как покончит со Станкой, отправиться к врачу. И будет лечиться до тех пор, пока окончательно не выздоровеет. Похоже, приперло его капитально. Худой, но жилистый, прежде он не страдал от болезней, а в последние годы даже зубы у него не болели. Ни когда он с отрядами КНОЮ<sup>8</sup> гонял по горам бандитов, ни минувшей стыллой зимой, в сырости и голоде, проблем со здоровьем у него не было. И вот на тебе. «Устал я. Думал, выдержу. Но – не получается!»

Светислав был уверен, что сумеет сломать Стоянку. Ничего особенного он не ожидал от нее услышать, но уж об этом комитете ее муженька она все выложит, и еще что-нибудь расскажет, это уж точно. А на основе этих показаний можно будет запустить другие дела, посерьезнее. Порядок все-таки навести надо. Никто не смеет гавкать на народную власть. А если уж хочется полаять, так за эту музыку изволь платить!

Однако на следующий день женщина в назначенное время не явилась. Он то и дело поглядывал на часы и просто не мог в это поверить. Как так можно? Что это она себе позволяет?

Светислав подождал еще минут десять – в тот день он сумел все-таки немного вздремнуть и потому чувствовал себя лучше обычного – и вышел в коридор, чтобы спросить дежурного милиционера, не видел ли он Станку. Может, она решила сознаться во всем Маричу?

От этой мысли его аж передернуло. «Это некрасиво с его стороны! Я с ней мучился, а не он. Неужто он мне совсем не доверяет?»

– Дежурный! – крикнул он в коридор. – Дежурный!

Ответа не было. «Кто знает, куда этот говнюк делся. С такой охраной любой гад нам запросто бомбу подложит. Кто угодно и когда угодно!»

Светислав было решил пройти в кабинет Марича, но тот был в другом крыле здания, и он мог прозевать ее приход. Нет, он останется у себя. Не имеет права подозреваемый самостоятельно слоняться по кабинету следователя.

Он вернулся к своему столу и принялся перелистывать записи. Если бы он не знал потаенной сути дела, то сам бы обхохотался. Сахар, соль, продовольственные карточки, постное масло... Перса, Живка, ситец... Ну да и бог с ним. На самом-то деле все это не так и просто.

Прошло еще минут десять, а ее все не было. Интересно, как она, явившись, оправдаться станет?

Он встал и прошелся вокруг стола, потом опять уселся за него. Светислав понимал, что это вредит его следовательскому авторитету, она наверняка сочтет, что он просто неопытный

---

<sup>8</sup> Отряды Комитета народной обороны Югославии были сформированы в августе 1944 года; существовали до 1953 года, когда их функции были переданы пограничным войскам и милиции.

мальчишка. С досады он вытащил из шкафа старый номер «Борбы»<sup>9</sup> и прочитал длинную гневную статью на политические темы. Дойдя до конца, он понял, что уже читал ее раньше. Он отбросил газеты и опять принялся вышагивать по кабинету.

Так прошло примерно полчаса.

Потом он решил, что уже достаточно поздно и женщина точно не явится, причем больше – никогда.

«И что теперь делать? Она злоупотребила моей добротой, – сокрушенно раздумывал Светислав. – Ведь я ни руки не распускал, ни в камеру не сажал, хотя она точно заслуживала. Позволил ей шастать по городу как какой-то госпоже и являться ко мне без конвоира, вот она и воспользовалась – сбежала! И теперь ты, несчастный и больной, выглядишь дурак дураком! Вечно я страдаю из-за своей наивности. Что теперь Марич скажет, когда я ему доложусь?»

Настроение совсем упало. Светислав сел за стол и принялся разбирать бумаги. Потом отнес пишущую машинку в шкаф, запер дело в сейф, спрятал протоколы. Похоже, похода к шефу было не избежать. «Я все сделал так, как он приказал, вот пусть и решает. А может, конвоира за ней послать? Чтоб тот ее в наручниках привел?»

Он никак не мог решить, что именно следует предпринять. Такого в его практике еще не бывало. Обычно перепуганные клиенты беспрекословно выполняли все указания.

Вдруг, когда он нерешительно перебирал бумаги в ящике стола, хлопнула дверь. В кабинет тихо вошла Станка. Светислав поднял голову и замер.

Ладони его все еще были в ящике стола, и он подумал: «Наверняка решит, что руки у меня в карманах штанов!» Он резко выкинул ладони на столешницу: «Пусть думает, что я стол прибирал, как обычный чиновник. А то подумает, что я чем-то другим в ожидании ее занимался». И глупо, почти идиотически, улыбнулся.

– А, это ты? – произнес, придурковато оскалившись. – Опоздала малость?

Женщина и не подумала закрыть за собой дверь, а только прислонилась к косяку. И тупо, как на неодушевленный предмет, рассматривала его оттуда.

Светислав устыдился: «Что это, я перед ней извиняюсь? Кто перед кем должен извиняться? Неужели у меня совсем никакого характера нет?»

И тут Станка медленно, хрипло, с презрением произнесла:

– Товарищ Марич передал вам, что больше не надо.

У Светислава в голове мелькнула мысль: «Все-таки к нему!» Она не доверяла ему, он показался ей недостойным признания. Его обманули, и этот обман обжег сердце.

«И этот туда же! – с горечью подумал он. – А еще друг. Что же он не вернул ее ко мне?»

– Хорошо, – сердито произнес он, как обиженный ребенок. И опять опустил взгляд в ящик. Он был обижен, оскорблен.

Вдруг, автоматически продолжая рыться в ящике, он понял: что-то тут не так, что-то уж больно подозрительно. Что «не надо»? В мозгу у него противно зашкряпало, будто кто-то у самого его уха провел алмазом по оконному стеклу.

Светислав отчаянно зажмурился. Что это она несет? Он выпрямился и внимательно посмотрел на нее. Щеки у нее были несколько румянее, чем обычно, и даже волосы под платком, похоже, были несколько встрепаны. И с неверием в голосе он спросил:

– Чего именно, Станка, «не надо»? Чего «больше не надо»?

Красивая женщина как-то странно усмехнулась. Была в этой усмешке и печаль, и презрение, может, еще что-то, что он не сумел уловить.

– Допросов, Светислав, – ответила она со вздохом. – Допросов больше не надо. Мы договорились.

---

<sup>9</sup> «Борба» – «Борьба», ежедневная газета, орган ЦК компартии Югославии.

Стекла в его голове, которые он с такой страстью вставлял и так старательно протирал, чтобы через них в душу проникал свет новых дней, бесшумно разлетелись в мелкие дребезги. Сверкая разноцветными лучиками спектра, они пронеслись как разноцветные рекламные листовки, зовущие на цирковое представление, как безостановочно спаривающиеся пестрые бабочки. Стол, на который Светислав невольно оперся локтями, накренился. Он крепко ухватил его за края и вернул в исходное положение.

– Так о чем вы договорились, Станка? – спросил он, не чувствуя собственного голоса.

А она в ответ опять усмехнулась:

– Чего там, Светик. Получил он, чего добивался. Так что, думаю, больше вы меня ни допрашивать, ни мучить не будете.

Светислав смотрел на нее и просто не верил своим глазам. В самом ли деле она это сказала или все это только привиделось ему? Он никак не мог поверить, что *именно сейчас* все это происходит с ним. Ему казалось, что кто-то когда-то давным-давно рассказывал ему *про это* — не более того.

Он испуганно молчал, а женщина все еще смотрела на него с презрением. Ее взгляд мог означать, что она ожидает чего-то подобного. Светислав подумал: «Не надо говорить, что я сожалею, – это было бы слишком глупо! Может, она просто хочет убедиться в том, что я все понял?»

И так вот, молча, нахмурившись, она простояла несколько долгих мгновений. А потом неспешно, неслышно, не спуская с него взгляда, вышла в коридор.

Она исчезла в нем, и Светислав не услышал даже шороха ее шагов, словно она растворилась в воздухе прямо на его глазах.

Он еще некоторое время простоял как зачарованный в своем кабинете, после чего ему в голову пришла мысль: «А была ли вообще здесь эта женщина или мне все это почудилось?».

## 9

Молодой прапорщик Светислав Петрониевич еще некоторое время молча сидел там, где это его застало. Потом почти на цыпочках, стараясь идти так, чтобы половицы не скрипели, вышел из здания и направился к углу, таясь, как серая полевая ящерка. «Неужели все с ума походили?» – подумал он, оказавшись на улице.

В этот светлый, прозрачный полдень в воздухе над мостовой дрожало бормотание пьяной, порочной третьей весны, овладевшей Чуприей. Земля, травка, почки, волна белого цвета залила каштаны, и со всех сторон на него обрушивались запахи, вороша и без того спутанные мысли и сводя с ума. Пробираясь вдоль заборов, сторбившись так, чтобы никого не видеть, и полагая, что никто также не обращает на него внимания, он из каши, в которую превратились его мысли, старался выбрать только одну, новую для себя: неужели именно так сходят с ума?

Домой он явился в полном отчаянии, со сломленной душой, не в состоянии более бороться с собственным безумием. Прямо в форме, не скидывая сапог, с порога повалился в кровать; Радмила, к счастью, опять была где-то в городе.

Так, в полусне, он провел два или три часа. Потом открыл глаза, встал и принялся шагать по комнате: неожиданно голова очистилась, Светислав почувствовал себя здоровым и преисполненным силы и решимости добиться на этой земле настоящей, человеческой правды.

Что делать? К кому обратиться?

Он распахнул окно, выходящее во двор. Давно уже наступил вечер, и в раскидистой кроне ореха громко ворчала какая-то птица. Теперь он пожалел, что рядом нет сестры. Они могли бы посоветоваться. Она опытная, может, смогла бы ему помочь. Он решил отправиться завтра в партком. «Но только, – подумал Светислав, – они слабаки и вряд ли захотят вмешиваться в

наши дела! Однако тянуть ни в коем случае нельзя – решать надо или немедленно, или никогда».

И он решил отправиться в Белград. Первым поездом, и никому об этом ни слова. Он разыщет полковника Йову и все ему расскажет. И пусть тот решает, как следует поступить. Однако Светислав тут же усомнился: тот такой суровый, закрытый человек, захочет ли он понять его? Может, и он попрекнет Светислава белыми перчатками? И не лучше ли обратиться к капитану Холере? Ведь именно Холера в свое время рекомендовал его Управлению.

Приняв решение отправиться в Белград, Светислав ощутил прилив силы и бодрости, чего с ним давненько не бывало. Вдруг ему захотелось вымыться. «Только на пользу пойдет, – подумал он. – Разогреюсь, да и кашель этот пройдет».

Он растопил плиту, поставил на нее большую кастрюлю с водой – времени до поезда хватало. Расхаживая по кухне и покусывая нижнюю губу в ожидании, пока закипит вода, он пришел к выводу, что в Белграде лучше сначала поговорить с Холерой, который был ему ближе. Потом втащил большое деревянное корыто, в котором когда-то скоблили щетину с туш забитых свиней, и долго плескался в нем, совсем как ребенок.

Из корыта он вылез словно заново рожденный, болезнь сняло как рукой. Вытерся полотенцем, надел чистое белье и гражданскую одежду. И тут – даже не закашлявшись, а просто прочистив горло – ощутил, что рот его полон крови.

С ужасом Светислав плюнул в корыто, из которого еще не успел вылить воду. Длинные алые нити с прозрачными воздушными пузырьками колыхались среди белых островков мыльной пены, то погружаясь ко дну, то всплывая, растягиваясь в тонкие, как паутина, волоски и вновь собираясь в помятые спирали, похожие на раскисшие мотки красных хлопчатых ниток.

Его охватила паника, холодный пот выступил на лбу и ладонях. Он поспешно проглотил целую пригоршню соли и запил ее большой чашкой ледяной воды. Потом присел на кровать.

Дыша, словно мышь, мелко и коротко, он опустил голову на подушку и подождал, пока сердце перестанет биться так учащенно.

«Что это было? – с ужасом думал он. – Неужели смерть? Разве могу я умереть? Так ведь мне еще и двадцати двух не исполнилось!»

Потом он, обходя стороной редкие пыльные фонари, поспешил по слабо освещенной улице к далекой больнице. Прокрался по аллее, что напротив казармы, перешел мост через Раваницу; около почтамта и центрального рынка, избегая появляться на Главной улице, свернул на улицу Царя Лазара. Но стоило Светиславу повернуть в мрачный переулок, как из горла хлынула кровь.

В больницу он влетел, задыхаясь от кашля и плюясь кровью. Пробежал по коридору прямо в ординаторскую.

В приемном покое в это время уже никого не было, только какая-то женщина сидела с ребенком на коленях. Когда он ворвался внутрь, харкая в тряпку, с которой капала кровь, она испуганно схватила малыша и спряталась за углом.

– Что здесь этот делает? – забила она в истерике. – Уведите его отсюда! Здесь дети! Уведите его!

Перепуганный Светислав замер. «Что это с ней? – подумал он. – Ведь это всего лишь болезнь. Ведь это всего лишь смерть».

В помещении появился крупный равнодушный санитар. Морщась и с отвращением, словно полицейский, придерживая Светислава за локоть, увел его к врачу.

Ночью в больнице он несколько успокоился. На рассвете, усевшись на кровати, он даже сумел немного вздремнуть.

Утром, пока никто еще не узнал о случившемся, он строго-настрого приказал персоналу никому не сообщать о болезни и потребовал немедленно доставить себя в Белград. В больнице его знали и побаивались и потому без раздумий удовлетворили все требования. И вот в полдень Светислава Петрониевича на неудобных носилках в служебной машине железнодорожного ведомства доставили не в министерство на улице Князя Милоша, а в больницу УДБА в Дединье<sup>10</sup>. А неделю спустя перебросили в клинику «Ребро» в Загребе. Так что он не смог доложить о своем новом месте пребывания ни полковнику Йове, ни капитану Холере. Теперь ему казалось, что они никогда и не были знакомы.

Началась долгая, долгая болезнь.

В первые десять дней, борясь с температурой и пищей, от которой его мутило, прислушиваясь к зловеющим хрипам в груди, грозящим новым кровохарканьем, полулежа в кровати клиники «Ребро», он написал первое письмо в министерство о Мариче и Станке, а спустя два месяца, требуя ответа, отправил второе.

Никто и не подумал ответить ему. Вместо этого, шесть месяцев спустя, какой-то поручик из Белграда доставил ему медаль за якобы проявленную отвагу.

С большим запозданием его навестила сестра Радмила. Мужеподобная и деловая, ковыряясь желтыми от табака пальцами с не очень чистыми ногтями в большом мужском портфеле, она поспешно и скучно докладывала ему о городских проблемах; она так и говорила – *проблемы*. Нищета никуда не делась, хлебозаготовки провалились, тюрьмы переполнены, а врагов все больше, офицеры женятся на отвратительных изнеженных буржуинках, а таких, как она, активисток, стараются не замечать, скоевцы или превращаются в равнодушных нигилистов, которых ничего не волнует, или становятся карьеристами, целящимися на вышестоящие должности, или – что еще страшнее – перерождаются в разочарованных и обозленных ренегатов. «Этот вражина, волейболист Миша Булочка, – добавила она, – сидит в тюрьме».

– Но ведь это глупо! – вскричал Светислав. – Миша не враг!

Потом он долго разочарованно взмахивал руками и в расстройстве цокал языком.

Наконец кружными путями, волнуясь, расспрашивая о десятках других знакомых, спросил и о Гордане – не вернулась ли она в Чуприю?

Радмила не смогла даже сразу припомнить, о ком он ведет речь:

– Это та самая высокая красотка, у которой отец не вернулся из плена? Что на улице Милана Топлицы жила?

Побледнев, Светислав кивнул головой.

– Эта шлюшка, – произнесла сестра тяжелым альтом как нечто само собой разумеющееся, – вышла замуж за одного из наших крутых и обеспеченных дипломатов. Сейчас она где-то за границей.

Светиславу показалось, что кто-то поднял над его головой траурное черное знамя, и он мысленно проклял день, когда мать родила его.

## 11

Вскоре после этого он дал согласие на операцию.

Так что ему на двадцать третьем году жизни в санатории на Голнике иссекли девять ребер, вырезав грудь почти до самого соска. Когда Светислав после операции в первый раз встал перед больничным зеркалом и увидел искривленную фигуру, то не смог сам себя узнать. С помощью большого шприца его накачали воздухом, создав под пазухой, между отсутствующими ребрами, мерзкую постоянно свербящую и шелушащуюся рану, которую он с болезненным интересом разглядывал в карманное зеркальце и постоянно ощупывал пальцами. Время

<sup>10</sup> Дединье – элитный район Белграда.

от времени полость подкачивали, совсем как волейбольную камеру, которая потихоньку стравливает воздух. Но все-таки сумели спасти жизнь.

После этого начались его скитания от одной больницы до другой. Поначалу это были привилегированные учреждения, потом они становились все проще и проще. В них быстро распознавали его характер, и никто не желал держать Светислава у себя дольше положенного.

Некогда нервозный и в чем-то даже мелочный, Светислав в больнице стал равнодушным и неряшливым. Ему не мешала многодневная щетина, а сестры с трудом заставляли его умываться. Ел он много, но как-то равнодушно, забрасывая в себя пищу как дрова в топку. Несмотря на болезнь, пристрастился к табаку и ракии, самой обыкновенной и дешевой, настоющему деревенскому самогону, который украдкой покупал у больничного забора. Вместо обязательных санаторных прогулок сидел в палате и барабанил пальцами по столешнице, в тихий час шастал по коридорам и чужим палатам, где слушал, а еще чаще – пересказывал пошлые анекдоты про туберкулезников.

Постепенно он привык к тому, что чахотка – единственная существующая в мире реальность, научился верить в то, что все должны ею перестрадать, и с наигранным равнодушием хвастался числом и названиями пройденных больниц и санаториев. В этих местах связи с женщинами носят временный и отчаянный характер, они легко возникают и продолжаются без зазрения совести, чтоб потом безболезненно или трагически оборваться. Светислав, стыдливый, брошенный и ленивый, в подобные не вступал. Украдкой он все-таки с вождением поглядывал поначалу на женщин, но, не желая ничего менять в своей жизни, а также из-за того, что раза два-три получил отлуп, все-таки выбрал одиночество, слегка окрашенное обидой, пренебрежением и презрением.

Он любил запугивать новичков, подробно описывая внешний вид своих гнойных выделений, топографию сохнувших каверн и первичные признаки распада легких. Светислав описывал смерти, свидетелем которых был сам или о которых слышал от других; и обо всем он говорил с известным радостным отвращением. Если в санатории оказывался кто-либо из известных людей, о которых много говорили, он напрягал все свои полицейские способности, чтобы разузнать хоть какую-то их тайну, действительную или мнимую, чтобы потом с наслаждением разнести ее по палатам.

В компании новичков он разыгрывал суровые представления, которым сам первым же рукоплескал.

– Говоришь, – спрашивал Светислав, потягивая окурочек, спрятанный в рукаве пижамы, – слегка расплевался? Причем кровью?

Новичок никак не хотел смириться с болезнью.

– Да ты ведь вовсе не болен! – орал Светислав, строя гримасы. – Да что ты! Это ошибка! Скоро тебя выпустят!

И старался как можно дольше кашлять, чтобы потом издали плюнуть мокротой в открытое окно.

Болезнь окончательно овладела Светиком Петрониевичем, и никак не хотела покидать его – ей было уютно в нем! – да и он не очень хотел расставаться с ней. Всюду, где он побывал, его терпели, пугаясь его прошлого, но всячески советовали переменить место лечения. А ему было все равно – оставаться ли на одном месте или опять куда-то кочевать.

Так прошло почти шесть лет. Его лечили лучшими лекарствами в изоляции от внешнего мира, про который он уже не знал практически ничего, и Светислав нянчил свою болезнь, совсем как ребенок баюкает большую куклу, с неприметной упорностью борясь за то, чтобы как можно дольше не выздоравливать.

Но в один прекрасный день нашелся-таки умный доктор, который просто-напросто навалился на него, и Светик Петрониевич с чемоданом шмоток, безнадежно вышедших из моды за минувшие шесть лет, вместо обеспеченного пристанища оказался на улице.

Беспомощный и лишенный будущего, он понятия не имел, куда деваться и чем заняться в незнакомом ему мире.

## 12

В полном недоумении он сначала заявился к сестре Радмиле в Белград, где она стала небольшим руководителем в крупном столичном учреждении: не выйдя замуж, она жила в маленькой квартирке на улице Матери Евросимы с неким старым вдовцом. Оскорбленный и убежденный в том, что его недооценили, он пробыл у нее несколько дней, после чего отправился в Врнячку Баню<sup>11</sup>.

Он свято веровал в свою болезнь и решил никогда не расставаться с ней. Пенсионерствуя уже длительное время, Светислав накопил некоторую толику денег и поверил в то, что сможет сам себя и содержать, и лечить. Ему не нужны были более ни бездушные корыстолюбивые врачи, ни отвратительные государственные больницы.

В Бане он поселился в старой и не слишком дорогой гостинице и впервые в жизни провел в ней двадцать дней как истинный больной. Дважды в день, засунув градусник в рот, он измерял температуру и старательно записывал показания в блокнот, утром и вечером регулярно прогуливался по аллеям, заваленным дивным, ослепительно пушистым снегом. Отказался от ракии и табака. Пищу принимал регулярно, по часам, избегал прокуренных помещений, после обеда обязательно отдыхал, а спать ложился рано.

Глядя в окно на парк, в котором дети катались на санках, и на осыпанные сверкающим снегом ели, он со страхом ожидал того, что может с ним случиться: опять откроется кровохарканье, которое окончательно удушит его. Он так убедил себя, что, особенно поначалу, размышляя о смерти, Светик пугался предстоящего дня и считал, что он, совсем как герой народных баллад, должен к ней подготовиться.

Но ничего ровным счетом не происходило. Светислав хорошо спал, еще лучше ел, чувствовал себя превосходно. Он даже несколько растолстел.

Наконец он покинул Банию. Продолжая злиться на врачей, пришел к выводу, что вылечил себя сам.

Приехав в Белград, после некоторого колебания решил вернуться в Чуприю. И когда в один из грязных дней конца зимы он, ленивый и лупоглазый, толстый и бледный как утопленник, со своим перекошенным плечом появился в городе, никто его не узнал – о нем забыли.

Светислав так и не понял, радоваться надо этому или сокрушаться.

Ему хватило трех-четырёх часов. Ровно столько, чтобы найти распоследнего беззубого, впавшего в детство адвоката, который нашел покупателя на отцовский дом, после чего, низко надвинув на глаза шляпу, бежал из города с первым вечерним поездом.

Он ненавидел Чуприю и ее жителей и не желал больше никогда их в жизни видеть. Он верил, что во всех его бедах были виноваты именно они. И решил никогда более с ними не встречаться и не писать никаких писем.

Поскольку Светиславу еще предстояло немало лет жизни, он решил потратить их в другом месте. Он был уверен, что следует поступить именно так.

---

<sup>11</sup> Баня по-сербски – курорт.

13

После периодов жизни в Чуприи и в больницах колесо жизни прапорщика УДБА Светислава Петрониевича проворачивалось неоднократно, подталкивая его к шествию по заброшенным и весьма неожиданным тропинкам. Так бывший юноша отбарабанил еще четверть века.

Оправившись от болезни легких, Светислав окончательно поселился в Белграде. После переезда в столицу он, будучи холостяком, проживал некоторое время у немолодой женщины, знакомой его сестры, но вскоре получил от УДБА отличную двухкомнатную квартиру на бульваре Революции, напротив ресторана «Мадера». Первые семь-восемь лет он прожил именно здесь. Но как именно – позже и сам не мог припомнить.

Чем занимался он в те годы, где был? Он и сам точно не знал. Возился некоторое время со скучными административными делами в сфере жилищного права, покупал мебель и прочую ерунду для своего холостяцкого хозяйства, прослушал два семестра на юридическом факультете, несколько раз пытался, как он говорил, учиться (но положенные экзамены не сдавал) – и ничего более припомнить не мог. Светиславу казалось, что он усиленно и много трудился, что был загружен массой дел и обязательств, но содержание их припомнить не мог...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.